

2. Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
3. Камю А. Творчество и свобода. – Сборник. – М. Радуга, 1990.
4. Рерих Н. Твердыня пламенная. – Рига: Виеда, 1991. – 272 с.
5. Уайтхед А. Избранные работы по философии: Пер. с англ. (Сост. И.Т. Касавин. Общ. ред. и вст. ст. М.А. Кисселя. – М.: Прогресс, 1990).
6. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. (Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Л.А. Леонтьева: вст.ст. Л.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991.

СНЕЖКО В.П.

ВРЕМЯ МЫСЛИ

Повседневное и привычное, обратив на себя внимание, иногда вынуждает остановиться в недоумении, удивлении и озадаченности, и тогда оказываешься в ситуации, когда непросота простого, непривычность привычного, неожиданно обнаружив свою загадочность и таинственность, недвусмысленно напоминает (намекая) о твоей собственной (для тебя привычной, а потому незаметной) простоте.

Аврелий Августин, известный больше как Августин Блаженный, выдающийся христианский теолог более полутора тысяч лет тому назад, размышляя о существовании времени, в смущении признавал, что если его никто об этом не спрашивает, он знает, что такое время, но если бы он захотел кому-либо объяснить, оказывается, что нет, не знает... Время, по-видимому, относится к тем феноменам, которые интересовали не только каждого сколько-нибудь значительного философа, но и любого, кто согласился хотя бы чуть внимательно поразмышлять о нем. И сегодня вопрос о существовании времени, по-прежнему озадачивая одних, вместе с тем не смущает других, даже если приходится объяснять...

Подобное, по-видимому, уместно сказать как относительно мышления, так и того, что мышление совершается во времени, сопряжено с ним. И сегодня вопросы о человеке как существе бытийствующем во времени, существо мышлящем, взаимосвязи, взаимопринадлежности мышления и времени, по-прежнему озадачивая одних, тем не менее не смущают других, даже если приходится объяснять...

Смущенным, удивленным и озадаченным, признаться, к счастью, оказался и я, поставив вопрос «что такое время мысли и как его можно помыслить?» перед собой, поставив его как свой собственный, имеющий ко мне самое непосредственное отношение.*

Действительно, что такое время мысли, время *моей* мысли, *мое* время мысли? Вопрос можно переформулировать и следующим образом: что, как, почему и почему так, а не иначе, я делаю в *то* время, когда мыслю? Когда и как приходит *то* время, которое можно назвать временем мысли? Чем оно отличается от иного, того, когда я не мыслю? Ведь я мыслю не всегда: по-видимому, есть время мысли («мысленное время») и время безмыслия («безмысленное время»). Есть время, когда временится мысль, и есть время, когда она не временится, но временится безмыслие. Ведь если справедливо, что всякая мысль временится, то не менее справедливо, что отнюдь не всякое временение есть временение мысли. Как взаимосвязаны *то* время, когда я мыслю (время мысли, мысленное время), и то, когда я не мыслю (время безмыслия, безмысленное время)? Каковы внутренние имманентные характеристики «мыслепроизводящего», «мыслеорождающего» времени, времени мыслепорождения, времени пребывания в мысли. Каковы внутренние имманентные характеристики «временящейся мысли»? Как мысль определяет характер своего собственного временения и

* Если верно, что наипервейшим, наиважнейшим делом того, кто осмеливается философствовать, есть осмысление самого себя, а вовсе не размышления, знания, советы и поучения, адресованные другим, если верно, что, реализовав (если, конечно, посчастливилось) возможность собственного мышления, он (философствующий) оказывается помывлившим то, что мыслят другие, если, наконец, верно, что мысли цитировать невозможно, а слова просто того не стоят, если все это верно, я обретаю основания для того, чтобы осмелиться избавить себя от необходимости, демонстрируя эрудицию, «насыщать», «обогащать» собственные размышления цитатами. Более того, набравшись решимости остаться наедине с собой, своими мыслями, я именно благодаря этому и получаю счастливый шанс (не отстраняясь от самого времени мысли) мыслить время мысли как раз «во» время собственной мысли, всячески избегая мыслить «о» времени мысли и «о» том, как его мысляли другие. По-видимому, именно такое понимание своего места, такая позиция дает мне возможность, мысля время мысли «во» время мысли, размышлять «из» времени простых мыслей, обязывая, тем самым, в поисках адекватной словесной формы, обращаться к естественному, повседневному, семантически замкнутому, простому языку, его бесконечному выразительному потенциалу, умышленно избегая «нагруженной» философской терминологии (скажем, разговора о континуальности и дискретности времени мысли, его трансцендентности и трансцендентности, априорности и апостериорности, абсолютности и относительности, интенциональности, необратимости, вечности, единстве времени мысли и его множестве, когитальном акте и т.д.). Попробовать, попытаться, рискнуть помыслить самому, не перепоручая это другим, не вынуждая их мыслить вместо меня, не прячась, сделать это самому, честно и открыто, от своего имени, от имени «я», сделать, не будучи «связанным» каким-либо специальным языком и облекая мысли в простую, привычную, повседневную «словесную одежду», или, говоря коротко, попытаться обратить внимание на «ближайшее» и выдержать его в мысли сколько смогу – именно на такое осмысление времени мысли я себя ориентирую. При этом я вполне понимаю, что отзвук моих предпочтений все же окажется присутствующим и перечень ближайших источников, приводимых в конце текста, поэтому, отнюдь не случаен.

как время определяет характер своего временения в мысли? Наконец, особый интерес представляет то, как, каким образом, в какой мере время мысли определяется тем, «о чем» мысль, т.е. ее предметом? На это тем более важно обратить внимание, поскольку я сам, поставив перед собой вопрос о времени мысли, там самым, по-видимому, делаю его (время мысли) предметом осмысления, предметом своей мысли. Между тем, предмет мысли всегда отличен от самой мысли. Так что же тогда я делаю со «временем мысли», какой трансформации его подвергаю, определяя его как предмет своей «временящейся во времени мысли»?

Продолжать конструировать подобного рода вопросы не составляет особого труда. Гораздо труднее, по-видимому, поостерегшись легкости толковать их как пример некоего мыслеплудия и схоластической словесной эквилибристики, потрудиться над тем, чтобы уразуметь их существо и осмелиться, уделив внимание своему «ближайшему», попробовать его помыслить, помыслить самому, стараясь делать это неспешно, внимательно.

Первая сложность, с которой я встречаюсь, намереваясь разобраться в существе поставленных вопросов, состоит в том, что я не могу занимать позицию «внеаходимости», позицию постороннего, я не могу находиться вне времени мысли. Мои размышления о *том времени*, когда я мыслю, не могут сами не находиться, не могут не пребывать в самом *том времени*, поскольку я сам размышляю во время мысли, пребываю в состоянии мыслепорождения. В *то время* я как раз и нахожусь во времени мысли, поэтому *то время* (время мысли) трансформируется (мною) с неизбежностью в *это время* (время временения моей мысли о времени мысли). *То время* трансформируется в *это время*. Я сам с необходимостью оказываюсь вовлеченным в процесс временения мысли. В противном случае, я просто закрываю себе доступ к *тому времени*, когда мыслится время мысли. Размышления о времени мысли сами осуществляются во времени, и это последнее есть время мысли («о» времени мысли). Конечно, время мысли может и не мыслиться, но мысль не может времениться вне времени. Если же время мысли мыслится, оно мыслится временящейся во времени мыслью. Одно не мыслимо без другого. *То время* (время мысли) и *это время* (временящаяся во времени мысль о времени мысли), одно и другое, есть одно и то же, и их единство объединяет их. Мои размышления о *том времени* с необходимостью реализуются в *этом времени*, и ощущается фундаментальная сложность осмысления того (этого) и этого (того) времени мысли. Время мысли (предмет мысли) не желает быть отличным от самой мысли, временящейся во время мысли о времени мысли. Время мысли почему-то сопротивляется, отказывается быть предметом мысли, предпочитая оставаться временящейся во времени мыслью. Предмет мысли (время мысли), уклоняясь, прячется, скрывается в процессе временения мысли... Я оказываюсь в ситуации, когда мысль и то, «о чем» она, не могут (может, не должны) быть отделены друг от друга. Феномен времени мысли может быть развернут лишь самой временящейся во времени мыслью. По-видимому, в той же мере, в какой мысль временится, осуществляясь во времени, в той же мере время мысли мыслится, осуществляясь в мысли.

Во-вторых, достаточно определенно намечаются контуры еще одного затруднения, обязывающего быть еще более осторожным и внимательным. Дело в том, что если я, данный, «этотный», эмпирический, «обреченный» на пребывание во времени собственного размышления, собственного мыслепорождения, собственной мысли, собственного времени мысли, ставя вопрос о времени мысли, осмеливаюсь ставить его и в общем плане, я, тем самым, претендую на наличие в моем собственном времени мысли неких общих (не только времени *моей* мысли присущих) параметров, характеристик, свойств времени мысли.

В-третьих, я оказываюсь претендующим не только на наличие в моей временящейся мысли неких общих характеристик времени мысли, но и на то, что я способен их (общие характеристики) помыслить своей временящейся во времени мыслью. И если я, преодолевая затруднения, имею (хотелось бы думать) основания надеяться, что мыслю... так, как и другие, и способен помыслить хотя бы некоторые общие характеристики времени мысли, задача, требующая осмысления предстает для меня несравненно более ответственной...

Таким образом, задав себе, на первый взгляд, простой и благополучный вопрос о времени собственной мысли, я, оказывается, ставлю себя в достаточно сложное положение. Насколько успешной может оказаться предпринимаемая попытка помыслить время мысли, что и как я должен для этого сделать? Насколько велика опасность остаться наедине со своими «временящимися во времени» размышлениями, в лучшем случае, быть может, облеченными в несколько экстравагантные словесные одежды, но имеющими отдаленное отношение к существу времени мысли, его «общих контуров»? Положение усугубляется еще и тем, что сам процесс временения, временение само по себе, взятое безотносительно к тому, что временится, как уже отмечалось, отнюдь не означает временения мысли, а, во-вторых, даже временение мысли, учитывая, что время мысли, уклоняясь, не очень желает быть предметом мысли, может вовсе и не оказаться осмыслением времени мысли.

Более того, даже если мне посчастливится, и я достигну временения мысли, даже тогда временящаяся мысль, процесс «я мыслю» постоянно рискует трансформироваться в «я думаю, что мыслю» и, перестав быть самой собой, обрести превращенную форму, стать имитацией, подделкой. Процесс этот неприметен, трудно уловим, и, тем не менее, он имеет место, играя не последнюю роль в мыслепорождении. В результате время мысли вновь окажется ускользнувшим, уклонившимся от осмысления, причем сделает это вторично (первый раз оно намекнуло об этом, не желая быть предметом мысли), став еще более сокрытым и потаенным. По-видимому, мне нужно быть очень осторожным и внимательным, чтобы заметить подлог. Не увлечет ли стихия мыслепорождения и временения мысли меня самого в неведомом направлении и не окажусь ли я еще дальше от ответа, не окажусь ли я там, куда отнюдь не стремился? Способна и будет ли моя собственная осуществляющаяся во времени, избегающая имитации, подлога, мысль идти по «общим контурам» времени

мысли? Наконец, способен ли я вообще порождать хотя бы сколько-нибудь глубокие, основательные мысли о времени мысли и, если все же способен, насколько развита эта способность? Пребывая в состоянии настороженности, озадаченности, внимательности и не утратив ощущения прикосновения к чему-то интересному, загадочному, таинственному и не бессмысленному, осмелюсь все же пройти, протоптать свою тропинку мысли, стараясь делать это «во» время мысли, «во» время простых мыслей, просто «во» время мысли.

Повседневное, привычное представление основывается на понимании времени как единстве, взаимосвязи и взаимопереходе *прошлого, настоящего и будущего*. Достаточно простым, почти тавтологией, выглядит и тезис о том, что мысль осуществляется тогда, когда она осуществляется, временится, и это ее актуальное, реальное осуществление есть *настоящее*. Проще говоря, мысль временится в настоящем, мысль существует в настоящем времени. Настоящая мысль – в настоящем времени. В силу этого, если я имею мысль, то имею ее сейчас.

Поскольку будущее («пока-еще-не-сейчас») не тождественно настоящему («сейчас») и именно в той мере и в том смысле, в котором будущее не есть настоящее, по-видимому, можно утверждать, что время мысли, мысли настоящей («сейчасной»), ограничено *будущим*, именно потому, что оно «пока-еще-не-сейчас». Конечно, я и сейчас могу думать о том, что будет, думать о будущем, о том, что «пока-еще-не-сейчас». Более того, я зачастую именно так и делаю, размышляя о том, что будет после, потом, не сейчас. Вместе с тем моя мысль о будущем это моя «сейчасная», живая мысль, я ее сейчас выдумал, она временится сейчас. Она рождается и живет как эта мысль только сейчас. Я сейчас пребываю в этой мысли. В данном случае важно не то, «о чем» мысль, а то, что она совершается сейчас, в этот момент, когда я ее выдумываю, порожаю. Мысль о будущем, о том, что «пока-еще-не-сейчас» (не будущая мысль), порождается, осуществляется именно сейчас, в настоящем, это – настоящая мысль. Я «по-настоящему» могу мыслить и мыслю только сейчас, в настоящем и из настоящего. Будущее временится лишь в сейчасной мысли о нем.

Между тем, ситуация не так однозначна и это обнаруживается в том, что, с одной стороны, то, «о чем» мысль, находится в будущем и «пока-еще-не-сейчас», а, с другой, – будущее представляет собой не что иное, как будущее настоящего («сейчас»), и я могу мыслить о нем (будущем) только сейчас. Все это может породить у меня иллюзию существования моей мысли «в» будущем, которая, между тем, временится сейчас. Но будущее все же «пока-еще-не-сейчас» и потому, естественно, нет и меня, как пребывающего во времени мысли «в» будущем. Таким образом, состояние «я мыслю» как бы ограничено «спереди», ограничено моим будущим, тем будущим, которое не есть настоящее, будущим, которое «пока-еще-не-сейчас», несмотря на то, что оно есть будущее настоящего.

Время мысли, временение мысли ограничено также *прошлым*. Если будущее – это то, что будет, но которое «пока-еще-не-сейчас», то прошлое – это то, что было, но которое «уже-более-не-сейчас». К примеру, я *уже* по-мыслил какую-то мысль, я *уже* ее вы-думал, я *уже* пребывал в этой мысли. Я это *уже* сделал, сделал до «сейчас» и она (мысль) «уже-более-не-сейчас». Те мои мысли, которые «уже-более-не-сейчас», я храню в своей памяти. Так формируется феномен «прошлых мыслей» и памяти о них. Впрочем, ничего удивительного, все привычно и банально. Удивительно другое, удивительно то, что прошлое свое я сам почему-то стремлюсь создать, сформировать как можно быстрее. Я испытываю большое желание, поскорее избавившись от настоящего, иметь богатое прошлое и память о нем. Лишь чуть прикоснувшись к «настоящей» мысли, которая только-только стала мыслимой «сейчас», лишь только-только породив «настоящую» мысль, я стараюсь избавиться от нее и оказываюсь убегающим в прошлое («уже-более-не-сейчас»), не забыв «захватить» с собой и свою мысль. Я бегу, в спешке даже не успеваю основательно ни помыслить, ни домыслить, ни получить удовольствие от пребывания во времени «настоящей» мысли. Оказывается, мыслить нелегко, мыслить не хочется, хочется быть *уже* помыслившим. *Уже* думается и кажется мне, что понял, по-думал, по-мыслил, пережил, потрудился, совершил мысленное усилие, и пора *уже* завершать процесс думанья. Не достает лишь предлога, повода... Повод нашелся, я (с облегчением и радостью) подумал, что *уже* знаю, *уже* помыслил, и... отправил мысль в прошлое, то, которое «уже-более-не-сейчас», отправил в *уже* пережитое, *уже* понятное, *уже* знакомое. Мысль перестала мыслиться, перестала времениться сейчас и, «умирающая», была отправлена мною же на «склад», в «хранилище», в (на) память на сохранение и сбережение. Время мысли, мысленное время закончилось, истекло, процесс трансформировался в результат. Мысль осталась мне лишь «на память», осталась лишь память «о» мысли. Отправив мысль в прошлое, я сам вывел себя за пределы времени мысли: на смену ему приходит время безмыслия.

Впрочем, по-видимому, и в хранилище, в памяти, моей мысли неплохо и даже спокойнее. Там она пребывает как *успокоенная* мысль, мысль, находящаяся «на сохранении» и сбережении. Правда, будучи успокоенной, она может стать похожей на «покойную», мертвую мысль, поскольку, как уже отмечалось, мысль вне процесса временения (как мысль) не существует.

Все это случается с мыслью, которая стала «уже-более-не-сейчас». Но что происходит в самом времени мысли после того, как я благополучно «спровадил» свою *уже* помысленную мысль в память, согласившись вместо нее самой сохранить память «о» ней? После происходит то, что, по-видимому, и должно произойти: то, что было «пока-еще-не-сейчас» (будущее) занимает освободившееся *только сейчас настоящее* место, становясь *сейчас* настоящим, *настоящим* сейчас, причем делает это явочным порядком, вовсе не интересуясь моим мнением, не интересуясь тем, что я по этому поводу *думаю*. Впрочем, я в *это* время как раз ничего и не *думаю*, пребывая во времени безмыслия. Время безмыслия (временное безмыслие) подвергается *настоящим*

испытаниям (испытаниям *настоящим*), опасности стать *настоящим* временем мысли. Время мысли получает шанс вновь стать настоящим, стать временением мысли. Ведь, «выходя из себя», я, оказывается, предусмотрительно оставил дверь открытой, чтобы иметь возможность вернуться. Отправив, «справедлив» мысль в прошлое, оставив ее себе лишь *на память*, оказавшись вне процесса временения настоящей мысли, я, как раз благодаря этому, получил возможность вновь пребывать в процессе временения мысли, быть присутствующим в настоящей мысли.

Но (как выясняется) это уже совсем иной процесс и иное время – время встречи *настоящего* времени мысли и *прошлого* времени мысли, процесс, в котором встречаются настоящее («сейчас») и прошлое («уже-более-не-сейчас»). Ситуация небезынтересная, особенно, если понимать память как то, в силу чего в моем мышлении нет места для чего-то другого. Иметь возможность пребывать в процессе временения мысли это одно, пребывание же в процессе – совсем другое. Не исключено, что освободившееся для настоящих («сейчасных») мыслей место в настоящем уже занято прошлыми мыслями, теми, которые я еще ранее (до только что отправленной «в память» мысли) помыслил и отправил в прошлое, занято памятью о них. Ведь я помню свои прошлые мысли. Так я-прошлый, который «уже-более-не-сейчас» мыслящий, встречаюсь с я-настоящим, сейчас мыслящим. Прошлое встречается с настоящим, и их единство объединяет их. Заботливая, участливая, услужливая, богатая моя память подсказывает: зачем тебе *сейчас* думать, ведь ты *уже* думал, *уже* по-мыслил, *уже* по-трудился, достаточно и этого, у тебя *уже* есть мысли, твои собственные мысли. Они *уже* готовы, их не надо заново добывать: «покопавшись» в памяти, вспомнив, возьми их из памяти *уже* готовыми.

В результате возникает иллюзия, видимость времяящейся мысли, некая превращенная форма процесса мыслепорождения, иллюзия пребывания во времени мысли. Мне может казаться, что я *сейчас* мыслю, на самом деле сейчас я вспоминаю мысли, которые «уже-более-не-сейчас». Мыслить сейчас, по-видимому, однако еще не означает просто вспоминать то, что думал вчера. Процесс припоминания мысли и процесс временения мысли далеко не одно и то же. Желая пребывать в состоянии мыслепорождения, я должен сейчас совершать некое мысленное усилие, не тождественное усилию вспоминания. По-видимому, до той мысли, которая «уже-более-не-сейчас», «сейчас» еще нужно добраться, до-думаться, до-мыслиться, дойти именно «сейчасным» мысленным усилием. Можно рискнуть сказать и так: прошлая мысль, взятая исключительно как прошлая, та, которая уже была, является противницей, соперницей сейчасной мысли. Или, еще более резко: прошлое крепко обнимает меня, прошлые мысли, мертвые мысли, мысли-покойницы тяготеют как кошмар над настоящими, живыми.

Взаимоотношения прошлого и настоящего, прошлых и настоящих мыслей становятся еще более запутанными и неясными в том случае, когда я не только имел вчера счастье по-мыслить мысль и даже смелость и неосторожность выразить, высказать, выговорить ее в устном слове, но и опрометчивость и безрассудность закрепить, опредметить в слове написанном. Написанное слово осталось, оно и вчера («уже-более-не-сейчас») и «сейчас» одно и то же. Слово живет, прежде всего, жизнью языка и уже потом – жизнью мысли. Написанное вчера слово я вижу и читаю сейчас, мысли же, опредмеченной, уснувшей в слове, написанном вчера, сегодня *уже* нет: увы, она «уже-более-не-сейчас». Осталась предметная форма, «мертвые кости». И я по мертвым костям, материальным останкам мысли, проговаривая (и приговаривая), прочитывая (и перечитывая) слова, тружусь над восстановлением, возрождением, реанимацией своей вчерашней мысли. Я тружусь, напрягаюсь, стараюсь *вспомнить*, какова была *та* мысль, которую я выразил *этими* словами. Мысль уже стала *той*, слова, по-прежнему, *эти*.

Прошлая мысль может и не возродиться в настоящем, время мысли может и не наступить: так и останутся лишь слова, мертвые кости мысли. Скорее всего, по-видимому, мне, потрудившись, все же удастся возродить ее из словесного пепла, ведь это, в конце концов, была моя мысль и мое слово. И она предстанет *передо* мной, предстанет сейчас. И я буду рад, что вспомнил ее, что она вновь *со* мной в моем настоящем времени мысли. Вспомнив мысль, я, тем самым, облегчаю свое прошлое от груза памяти «о» ней.

Казалось бы, все хорошо, «все возвратились домой» и я, и мои помысленные ранее мысли. Но почему-то чувствуется смутная неудовлетворенность, что-то не так, что-то осталось недомысленным, недосказанным. Ведь она, моя вчерашняя мысль, даже возрожденная, «сейчас» оказывается пока лишь *со* мной, *передо* мной, *рядом со* мной. Возникшую ситуацию, по-видимому, можно охарактеризовать так: я *уже* вспомнил мысль, но я *еще* в ней не пребываю. Еще вчера я эту мысль впервые по-мыслил и сегодня она стала «уже-более-не-сейчасной». Для того, чтобы она стала настоящей, я должен сейчас ее вновь присвоить, сделав, тем самым, ее сейчас моей собственной мыслью. Я должен вновь «войти» в эту мысль, оказаться пребывающим в ней, войти в мысль во время мысли.

Как это сделать? На первый взгляд представляется, что я должен думать сейчас «о» том, «о» чем думал вчера, а для этого необходимо прочесть записанную вчера мысль. Возникает соблазн «говорить словами» вчерашней мысли, ее «голосом», говорить от ее «имени». И представляется мне, что это и есть пребывание во времени мысли, это и есть временение мысли, это и означает мыслить *сейчас*. Между тем, если вчера («уже-более-не-сейчас») я был в пути от мысли к слову, то сейчас, возвращаясь назад, двигаюсь от слова к мысли, стремясь мыслить, прочитываю слова, в которых она нашла приют. Я нахожусь в пути от слова к мысли, подвергаясь соблазну отождествления его (пути) с времяящейся во времени мыслью. Можно ли идти таким путем? Несомненно, можно, что я постоянно и делаю. Ведь я *заблаговременно*, «выходя из себя», отправляя предыдущую мысль в прошлое, предусмотрительно оставил дверь в настоящее открытой, чтобы иметь

возможность вернуться. Но как невозможно войти дважды в одну и ту же реку, так невозможно дважды пребывать в одной и той же мысли. Мысль мыслится лишь однажды, сейчас, именно тогда, когда свершается интимное внутреннее таинство – мыслительный акт.

Означает ли это, что моя вчерашняя мысль безвозвратно утеряна? Да, если она вообще имела место вчера. Ведь нельзя потерять то, чего не имел. И если вчера у меня мысли не было, если она не временилась, если я вчера не пребывал во времени мысли, естественно, я не могу ее сегодня потерять. Если вчера вместо мысли были слова, если вчера я не прошел пути от мысли к слову, то и сегодня остаются лишь те же слова, слова, лишённые мысли, обезмысленные. Ну а если мысль у меня все же имела место, но вчера? Как быть с ней сегодня? Ситуация, которую я застаю, в которую попадаю, возвратившись назад к себе, пройдя путь от написанного слова к мысли, существенно отличается от той, когда я «выходил из себя» в поисках приюта, пристанища для мысли и нашел его в написанном слове. Стоит ли усилить воспоминания мысли (не слова) того, чтобы его совершать? Может сейчас лучше совершить усилие по полноценному вхождению во *время мысли*, режим мыслепорождения и прошлые мысли (ведь это были все-таки мои мысли) сами оживут, станут «сейчасными»?

Есть основания полагать, что отношения прошлых и настоящих, «мертвых» и «живых» мыслей могут быть охарактеризованы следующим образом: мои прошлые мысли, мысли, которые я помню, мысли из кладовой памяти обретают статус *живых*, «сейчасных» лишь в той мере, в какой они вы-ступают, за-являют о себе, являют себя, обнаруживают себя как *возможность* моей «сейчасной» мысли, возможность «сейчасного» временения во времени мысли. Прошлое (мысли), память «о» мысли, следовательно, дает мне лишь шанс оказаться во *времени мысли*, отнюдь не гарантируя пребывания в нем. Отсутствие такой возможности, во-первых, ввиду отсутствия прошлых (успокоенных) мыслей в памяти, а, во-вторых, ввиду отсутствия такого отношения между «успокоенными» и «живыми» мыслями, лишило бы мою сегодняшнюю, сейчасную мысль необходимой поддержки и защиты, сделав ее одинокой и неприкаянной. Наличие возможности, к сожалению, еще не означает реализации ее...

Таковы некоторые простые мысли, помысленные просто «во» время мысли, облеченные в простую, привычную, повседневную «словесную одежду», если само время пытаться мыслить как взаимосвязь прошлого, настоящего, будущего и, соответственно, мыслить феномены прошлого, настоящего и будущего мысли. Действительно, всякой мысли - свое время. Временящаяся естественным образом мысль и приходит, и уходит вовремя, в свое время. Мысль присутствует и остается в течение своего времени, и это время есть *время мысли*.

Что в итоге? Можно ли полагать, что время мысли осмыслено хотя бы сколько-нибудь глубоко, основательно, что удалось вывести его из потаенности и сокрытости, помыслить как присутствующее во время моих сейчасных мыслей? К сожалению, по-видимому, если оставаться внимательным, осторожным и самокритичным, следует признать, что, если и удалось, то лишь в ограниченной мере. Ведь, по существу, мое стремление не занимать позицию «внеаходимости», позицию постороннего, догадка о том, что время мысли отнюдь не случайно не желает, отказывается быть предметом мысли, быть тем, «о» чем я мыслю, утверждение, что время мысли мыслится лишь во время мысли, что они едины и их единство объединяет их, все это не оказалось помысленным основательно. Несмотря на все усилия, я по-прежнему остаюсь лишь на подступах к осмыслению времени мысли. По существу, осмысливая время мысли как взаимосвязь прошлого, настоящего, будущего, настаивая на приоритетности «живой» (настоящей, сейчасной) мысли, я (сам выступая против), по-видимому, оставался все же преимущественно на позиции «внеаходимости», а время мысли незаметно, исподволь, потихоньку все же обрело статус предмета моей мысли, того, «о» чем я пытался мыслить. Следует, по-видимому, признать, что осмысление времени мысли как взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего не привело к ожидаемому результату: время мысли все же не удалось помыслить «во» время мысли, помыслить основательно, как присутствующее, оно по-прежнему осталось сокрытым и потаенным, ему удалось все же успешно уклониться от осмысления.

Продолжение размышлений в этом же направлении, по-видимому, лишь усугубит положение, порождая новые затруднения. Можно, к примеру, размышлять о том, что мысль «о» прошлом мысли и «о» прошлой мысли не одна и та же мысль, как не одна и та же мысль мысль «о» прошлом и прошлая мысль или, скажем, мысль «о» прошлом времени мысли и прошлое время мысли. Подобное справедливо и применительно к настоящему и будущему... В результате намечаются контуры некой разветвленной, громоздкой, достаточно неуклюжей панорамы мыслей «о» времени мысли, которая, несмотря на кажущуюся (по мере усложнения и детализации) перспективность, по-видимому, скорее закрывает, чем открывает, доступ к проблеме времени мысли. Проще говоря, возникла опасность отчуждения моей временящейся (во времени) мысли от самого времени мысли. Протестуя, возмущаясь, сопротивляясь, я, тем не менее, сам ставлю себя в ситуацию размышляющего «о» времени мысли. Между тем, как уже отмечалось, временение мысли и время мысли немислимо одно без другого. То и другое есть одно и то же, и их единство объединяет их.

Означает ли это, что время мысли немислимо, его нельзя помыслить?.. По крайней мере, обращает на себя внимание то обстоятельство, что осмысление времени мысли с участием прошлого, настоящего, будущего не только сопряжено с трудностями принципиального порядка (что, вообще говоря, неплохо, поскольку есть над чем потрудиться), но и изначально ориентирует размышления в направлении, которое не позволяет помыслить интересные аспекты времени мысли. Еще раз подчеркну: время мысли и временение

мысли следует мыслить как одно и то же. По-видимому, осуществлением их единства, тождества в мысли может быть лишь временноющаяся особым образом мысль. Но как она должна временноиться, если привлечение прошлого, настоящего, будущего оказалось малоэффективным? Признав свое поражение в осмыслении времени мысли как взаимосвязи прошлого, настоящего, будущего, попробую предпринять еще одну попытку и хотя бы наметить контуры движения в ином направлении.

То, что находится, осуществляется, реализуется во времени, принято называть временным. Временное же традиционно и привычно понимается как преходящее, протекающее во времени. Временное – это то, что и приходит со временем и проходит с ним. Действительно, временное проходит, но ведь время *остается*, остается *постоянно*, постоянно остается. Но что значит оставаться, не проходить? Оставаться, значит не исчезать, оставаться, значит *присутствовать*. Применительно ко времени мысли последнее означает, что время мысли, при всей его текучести, преходящести, постоянно остается, не исчезает, не проходит. Более того, сама стремительно текущая временноющаяся мысль, существующая лишь сейчас, удивительным образом, пребывает сейчас *постоянно*, остается сейчас постоянно присутствующей. Так намечаются контуры иного пути, иного способа осмысления времени мысли. Но как же тогда мысль должна оставаться определенной «через» время, определенной «во» времени? Что вообще тогда значит время мысли, если и мысль, и время остаются во время мысли *постоянно* присутствующими? Что это за *постоянное* время? Как может *такая* мысль и *такое* время обрести взаимную определенность «во» время мысли? Что это должна быть за определенность?

Время мысли остается (в своей преходящести) постоянным, не будучи (в отличие от того, «о чем» мысль) чем-то временным. Мысль и время, по-видимому, определяются взаимно, но так, что «о» мысли нужно говорить как о временной, в то время, как «о» времени можно и не говорить, как о мыслимом. Вместе с тем, мысль и время, время и мысль находятся, по-видимому, в таком отношении, которое от-носит, вы-носит, несет их навстречу (на встречу) друг другу, определяя каждое из них лишь в их взаимоотноительности.

Время мысли не может быть тем, «о чем» мысль, предметом мысли. Точнее, оно может быть и тем, «о чем» мысль, т.е. предметом мысли, предметом размышлений. Большей частью как раз так и бывает. Так, к сожалению, получилось и у меня. В таком случае, однако, ввиду временности и преходящести того, «о чем» мысль, оно (время мысли), отчуждаясь от самого себя, приобретает превращенную форму, форму, хотя и временноющейся во времени, но временной, мысли «о» времени мысли и, тем самым, «закрывает» доступ к себе как постоянно присутствующему, постоянно остающемуся. В ситуации, когда время мысли представлено как предмет мысли, взаимоотноительность времени и мысли мыслится преходящей, временной мыслью «об» их (времени и мысли) взаимоотноительности. Став временными, мысли «о» времени мысли со временем, естественно, проходят. Проходя со временем, они уходят в прошлое («уже-более-не-сейчас»), остаются «на память», остаются «в памяти» о них. На смену им из будущего («пока-еще-не-сейчас») в настоящее («сейчас») приходят очередные «настоящие» мысли. Но и их ожидает та же участь, та же судьба: быть преходящими, временными, поскольку и они присутствуют «во» времени мысли лишь как мысли «о» времени мысли, держась осторожно, отчужденно.

Попытка осмыслить взаимоотноительность времени и мысли посредством выделения прошлого, настоящего и будущего приводит к тому, что (вместо прояснения взаимоотноительности времени и мысли во время мысли, их взаимного присутствия) они (прошлое, настоящее, будущее), «налагаются» друг на друга так, что *присутствие* взаимоотноительности (взаимоотноительность присутствия) мысли и времени во времени мысли во время мысли «закрывается» и становится все более и более сокрытой и потаенной.

Что же нужно сделать для того, чтобы, «заглянув» во время мысли именно во время мысли, обнаружить и время и мысль присутствующими, несокрытыми, непотаенными? Как можно *так* «заглядывать»? По-видимому, такое «заглядывание» во время мысли (осуществляемое, естественно, временноющейся во времени мыслью) в общем виде может быть охарактеризовано, с одной стороны (ввиду отличия времени мысли, которое *присутствует постоянно*, и временноющейся во времени мысли «о» времени мысли, являющейся *временной* и *преходящей*), как пребывание в состоянии безвыходности, его переживание, а, с другой (ввиду того, что время мысли остается и остается, в своей преходящести, постоянно и поэтому всегда сохраняется надежда его помыслить), – *желание* преодоления «зазора» между временем мысли и временной мыслью «о» времени мысли, *стремление* выхода на некий более широкий простор, большую глубину осмысления времени мысли, как догадка о возможности выхода, *ожидание* его, предчувствие и предвкушение радости его обнаружения.

Такое «заглядывание» во время мысли (остающееся, в своей преходящести, постоянно), осуществляемое во время мысли (временной, преходящей мыслью «о» времени мысли) может быть охарактеризовано, по-видимому, еще и так: если, *во-первых*, я («заглядывающий») искренне стремлюсь к тому, чтобы время мысли, остающееся постоянно и желающее быть *выпущенным*, оказалось действительно выпущенным на простор моей «заглядывающей», временной, преходящей мысли; если, *во-вторых*, я искренне стремлюсь к тому, чтобы *впустить* в свою временную, преходящую мысль само время мысли, которому хотелось бы быть *впущенным* в нее как весть, известие, извещение о своем присутствии, своей непотаенности и несокрытости, если, *в-третьих*, я отдаю этому все свои силы и, всячески сдерживая себя, не препятствуя, терпеливо ожидаю известия, вести, хотя бы весточки, о присутствии моей временной, преходящей мысли «о» времени мысли в несокрытости времени мысли и, в свою очередь, присутствии,

непотаєності часу думки в моєму часовій, перехідній думки «о» часу думки; якщо, *в-четвертих*, у мене це *впускаюче випускання* і *випускаюче впускання* ще і отримується, у мене хватить терпіння і витримки дождаться і я отримую об цьому повідомлення, мені це стає відомим і я переживаю радість від того, що очікування було не марним, воно виправдалося, якщо все це має місце, таке моє «заглядывание», таке моє осмислення часу думки, по-видимому, може надіятися осмислити його (час думки) як присутність в моєму часовій, перехідній думки «о» часу думки, а мою часову, перехідну думку розуміти як присутнювальну «во» часу думки.

Коротко, але, по суті, те ж, можна висловити так: серйозне, неспешне, уважливе осмислення часу думки, осмислення, надіючись на успіх, розраховує на те, що вдасться все-таки вивести час думки з потаємності і сокрытости, помислити як присутнювальне, – це *стремление*, поступово утяжеляючи питання, щиро запитуючи себе так, щоб самому розуміти, що дійсно нічого не знаєш, це *умение* саме так запитувати, це *способность* витримувати важкість таких питань, це, нарешті, *желание* обережно, уважливо, відповідально такі питання породжувати, їх визначати, їм дивуватися і намагатися знайти на них відповідь.

Може саме тоді, не побоюючись залишитися наодинці з собою і своїми думками, розвважувачи на самотності, самотній, мовчазний, незворушений, уважливий і обережний, перебуваючи в стані такого щирого, утяжеленого власного осмислення (свого часу думки), в стані такого запитання і уважливого, відповідального очікування відповіді, я маю найбільші шанси для того, щоб простір моєму часовій, часовій, перехідній думки, запитуючій «о» часу думки, виявився достатньо просторним, щоб вмістити випущене в нього час думки, виявився вільним простором його (часу думки) присутнювального буття. Може саме тоді я виявлюся спроможним почути тихий заклик часовій думки, прийняти мовчазний виклик думкувального часу.

Серед широко відомих канонічних питань-загадок дзен-буддизму є така: «Хлопок обома руками чує кожен. А як звучить хлопок долонью однієї руки?». Відповідь: «Це звучання тиші!». Кожен може думати час думки часовій, перехідній думкою «о» часу думки. Але що означає думати час думки часовій «во» час думки і постійно залишаючійся «во» часу думки думкою?..

ЛІТЕРАТУРА

1. Встреча с Декартом. Філософські читання, присвячені М.К.Мамардашвілі. Під ред. В.А.Кругликова, Ю.П.Сенокосова. – М.: Ad Maginem, 1996. – 438 с.
2. Гайденко П.П. Час і вічність: парадокси континууму // Питання філософії. – 2000. – №6. – С.110-136.
3. Мамардашвілі М. Картезіанські роздуми. – М.: Видавничий група "Прогрес"; "Культура", 1993. – 352 с.
4. Мамардашвілі М. Лекції про Пруста (психологічна топологія шляху). – М.: Ad Maginem, 1995. – 548 с.
5. Хайдеггер М. Розмова на проселочній дорозі: Збірка: Пер. з нім. / Під ред. А.Л.Доброхотова. – М.: Вища школа, 1991. – 192 с.
6. Хайдеггер М. Час і буття: Статті та виступи: Пер. з нім. Склад., переклад, вступ. стаття, коментарії та посилання В.В.Бибихіна – М.: Республіка, 1993. – 447 с.

ТАРАН В.О.

ДЕЯКІ АСПЕКТИ ПРОБЛЕМИ ФОРМУВАННЯ ДЕРЖАВНИЦЬКОЇ ІДЕОЛОГІЇ НА ПЕРЕХІДНОМУ ЕТАПІ РОЗВИТКУ УКРАЇНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

Розв'язання проблеми виходу сучасного українського суспільства з перехідного стану, що характеризується комплексною кризою, передбачає визначення загальної стратегії, яка пов'язана з вибором основних пріоритетів соціального життя українського суспільства, формуванням чітких орієнтирів його організації та перспектив розвитку. Реалізація такого завдання можлива тільки в межах певної ідеології державницького напрямку, яка б об'єднувала різноманітні легітимно існуючі в Україні ідеологічні форми на засадах найбільш узагальнених цінностей, спроможних гармонізувати інтереси переважної більшості суб'єктів ідеологічних відносин. Такою ідеологією, на нашу думку, слід вважати державницьку ідеологію, адже саме вона, уособлюючи найбільш узагальнені і суспільнозначущі цінності, спроможна піднятися над усіма ідеологічними формами, що презентують інтереси окремих соціальних груп і утворень в Україні. Разом з тим, ця ідеологія повинна максимально відповідати конкретним суспільним умовам і гнучко реагувати у своїй змістовній частині на зміни основних тенденцій суспільного розвитку. Зрозуміло, що вибір відповідної форми державної ідеології, корекція її змісту та терміни зміни однієї форми державної ідеології на іншу залежать від чисельних об'єктивних і суб'єктивних обставин. Сам цей процес здійснюється в умовах постійної боротьби різних ідейних тенденцій, за якими стоять певні соціальні сили, і реалізується як результат перемоги однієї з них. Однак її зміст, як державницької ідеології, не може носити монопольно-партійний характер, оскільки ідеологія повинна бути надпартійною і підніматися до рівня